

Марине

Тебе будят интересно гакова бичъ леүнг
Ты мало представлют герц такие
Трудные времена прошлис твои бабушки
Белла.

Арон Косой

Воспоминания

(Июнь 1941-Март 1944)

Посвящается памяти мамы,

Беллы Ароновны Косой (Вильфанд)

Я не молодой человек и даже не среднего возраста. Мне через несколько месяцев 90 лет.

Извините, что стал забывать некоторые имена и события, которые встреачал на моем жизненном пути. В настоящее время многие не могут себе представить и понять, через какие трудные времена прошли их родные.

Итак, 1941 год. Я окончил 4й класс. Мне двенадцатый год, моему брату Сене исполниться 18 Июня 1 год. В Киев война пришла на рассвете 22го июня. В 4 часа утра немецкие самолёты бомбили Киев. Был воскресный солнечный день. В последних числах Июня и начала Июля в городе прошла мобилизация военнообязанных. Почти все мужское население в возрасте от 18 до 50 было призвано в Красную Армию. Среди них был мой отец, рядовой красноармеец, Косой Файвиш. В городе началась эвакуация на восток страны и республики Средней Азии. После больших хлопот мы получили билет и 6 Июля, оставив в комнате все что было, в коммунальной квартире по Улице Саксаганского 119. Взяли только маленький чемоданчик и сумочку с продуктами.

Мне в трусы пришили карманчик. В него вложили 100 рублей и записку, в которой были указаны: имя, фамилия, адрес с которого был эвакуирован и год рождения на всякий случай. Слава богу случай меня миновал. Наш поезд должен был отправиться с товарной станции. Поезд задерживался так как началась бомбежка, но люди не разбегались и ждали на платформе. Вечером товарний состав, в котором было приблизительно сорок двух ~~счных~~ вагонов подали на платформу. Чтобы не было паники, возле каждого вагона стояли красноармейцы. Они откатывали на колесиках широкие двери и началась посадка. В вагонах были устроены с двух сторон деревянные нары, на которых начали устраиваться люди, маленькие дети с родителями и пожилые люди расположились на первом ярусе.

Несколько раз в сутки поезд останавливался в поле и люди разбегались по своим нуждам. Редко останавливались на станциях, где можно было набрать кипяток. Неоднократно пролетали немецкие самолеты, раздавались взрывы, но "слава богу" поезд и ж.д. пути оставались неповрежденными. На десятый день поезд остановился на станции, Куйбышев Товарный и через пару часов должен был отправиться в Сибирь. По дороге следования на 7й день брат заболел и нам посоветовали обратиться в эвакпункт в Куйбышеве на станции. Мы собрали наши пожитки. В эвакпункте к нам отнеслись с пониманием и направили в село Русские Лепяги в 30ти километрах от города. В сельсовете нас тепло встретили и направили в хату, где жила одинокая сороколетняя женщина, Елена Соловьевна. Муж её погиб в Первую Мировую войну а дочь работала в городе и жила в общежитии.

Мама до войны окончила бухгалтерские курсы и её устроили на ферму учетчицей. Брат немного окреп и в Августе пошел в ясли, а я с первого сентября в 5й класс сельской школы. Обустроились, не голодали. Жизнь нормализовалась. Иногда с сельскими ребятами когда темнело ходили на бахчу за колхозными арбузами. Урожай уже собирали и он на больших кучах находился под открытым небом, под присмотром сторожа. Из окопов, которые сохранились со времен Гражданской Войны добирались по-пластунски. Ползли тихо, что-бы не разбудить сторожа, у которого было ружье заряженное патронами с солью. Кроме арбузов охотились за подсолнухами.

Заходили на посадку и наклонив ствол подсолнушки палкой, выбивали в мешочек черные спелые семечки.

Дом, где мы жили находился в 100 м от железной дороги Куйбышев-Москва. Днем и ночью на запад пролетали военные составы с танками, артиллерией и составы с красноармейцами. Каждый день мы с ребятами ходили на ж. д. пути и собирали письма-треугольники, большие и малые, которые военные бросали из вагонов и платформ. Письма относили на почту. Все было-бы хорошо, но в 1941м пришла суровая зима. Такой зимы не помнили сторожилы. Зима помогла Красной Армии остановить немцев под Москвой. Мы были совершенно не подготовлены. Мама поехала со мной в город, в эвакпункт. Мне там на месте выдали телогрейку, ватные штаны, белье, ушанку, солдатские ботинки и перчатки.

Зима была на редкость суровая, стояли крепкие морозы. Мама получила расчет за заработанные трудодни, небольшую сумму денег, а картошку, арбузы и молоко продала. Собрав какую-то сумму денег мать решила в начале Декабря переехать в теплые края. Предварительно она списалась со знакомой, которая была эвакуирована в Джамбул, Казахской ССР. Ехали поездом без пересадок дней 5. В городе Джамбуле температура была выше 0. Сняли комнату на окраине города недалеко от ж. д. станции. Мама устроилась на работу в артель помощником бухгалтера, я пошел в школу, а брат в ясли.

Я был ответственный по обеспечению топливом. На товарной станции разрешали ошкуривать-срезать кору с бревен. Основное топливо составляли сухие кустарники и колючки перекати-поле; а на ж. д. шпалах разрешали собирать кусочки угля, которые просыпались из топки паровозов. Недалеко от дома проходила грунтовая дорога, по которой из совхоза возили на бричках (повозках) белую сахарную свеклу. Соседские ребята брали меня в компанию. Когда в дали показывалась повозка, мы прятались под мостиком, под которым протекал не глубокий арык. Повозка проезжала по мостику, мы тихонько выбегали, каждый брал по две свеклы и бежали в укрытие.

Дома свеклу резали на кусочки, варили и получалась сладкая вода и вареная свекла, которую можно было запечь на сковородке. Думаю, они были вкуснее чем пирожные сейчас. В конце Января 1942го года я пошел продолжать учебу в 5ом классе. Затруднений в учебе не было, так как был еще запас знаний. Большое внимание уделялось уроку "военное дело." Каждый день строевая подготовка, владение винтовкой, сборка и разборка материальной части. Класс был дружный и доброжелательный. В солнечный день строевая подготовка проходила в школьном дворе.

Мальчиков построили в одну шеренгу и мы маршировали вдоль двора. Когда подходили к забору, раздавалась команда: "кругом" и вся шеренга разворачивалась на 180 градусов и шла строем в обратном направлении. Я стоял крайний в шеренге. Когда проходили мимо одного ученика ротозея, который очевидно пассивал урок, послышалось: "Абраша." Маршируем обратно, я прислушался и точно опять: "Абраша." Я напрягся когда проходили еще раз мимо него, это уж точно он. К этому времени он осмелел и сказал еще громче: "Абраша." Я мгновенно ударил его с такой силой что он упал и не мог подняться. Подбежал военрук и сказал чтобы я взял ранец и отправился домой. На следующий день я пришел в школу, мне ничего не сказали, как будто ничего не произошло.

Мама работала помощником бухгалтера в артели "Победа." Зарплата была по тем временам очень низкая, порядка 500 рублей в месяц. За отца, который был на фронте, мать получала 100

рублей в месяц. В те времена на базаре 1 кг буханка хлеба стоила 200 рублей. Мы получали хлебные карточки, мама как служащая 400 гр, а мы с братом детские по 300 гр. Отоваривались карточки в хлебном магазине. Очередь занимали за несколько часов до открытия магазина. Химическим карандашом писали на руже порядковый номер. Однако ты должен был знать визуально в очереди несколько человек впереди себя и за тобой. Были случаи когда по хлебным карточкам не хватало хлеба на всю очередь. Мама задумывалась как улучшить наше материальное положение. Она вспомнила, что когда вышла замуж и жила в городе Белая Церковь, её молодой муж Файвиш (наш отец) работал мыловаром. Мама бывала в цеху, где варили мыло, и видела как и из чего изготавливают хозяйственное мыло.

Председателю артели и технологу предложение организовать мыловарный цех понравилось и они взялись за дело. На окраине города приобрели сарай и участок земли. Соорудили из кирпича топку в которую замуровали котел. Топили дровами. Сделали второй котел поменьше в котором топился жир. В большой котел заливали жир, каустическую соду и еще какие-то составляющие. Воду из аркана носили ведрами. Возникли большие осложнения. Мы жили на окраине противоположной стороны города. Чтобы добраться на работу, нужно было пешком пройти минут 20, а то и больше до станции. На станцию подъезжали извозчики. На подвode размещалось человек 10. Затем от крайней остановки "у базара" приходилось идти пешком минут 25. Итак дорога в один конец занимала более полутора часов. К тому времени я посещал ж. д. школу, а Сеня ясли.

Мать подыскала комнату ближе к работе в 15-20 минутах ходьбы до детских ясель и неполной средней школы, которые находились по улице Пушкинской. В 5-м классе в связи с переездом я не доучился, но в новую школу на следующий учебный год меня приняли в 6-й класс без проблем. Время було такое, шел 1942 год. Мы переехали в частный дом по улице Базарной. Глинобитные стены, земляной пол, маленько окно, в которое солнце никогда не попадало. Комната около 8 кв. метров. В доме жили пожилые хозяин, хозяйка и две внучки. Одна старше меня, вторая младше. Семья была раскулачена, а их сын, как я понял отбывал срок в ссылке.

Напротив наших дверей в большой светлой комнате с двумя окнами жила семья, эвакуированная из г. Новгород-Волынский. Глава семьи, очевидно, был не призывного возраста, жена помоложе, дочь студентка мединститута, временно не училась и не работала. У нее со здоровьем были проблемы. Их младший сын был на год младше меня и человек не компанейский. Жили они замкнуто, никто к ним в комнату не заходил.

В мыловаренном цехе работа постепенно стала налаживаться. Труд был тяжелый и не каждому под силу. Мама с помощницей загружали котел целый день. На вторые сутки под котлом разжигали огонь и варили помешивая массу до необходимой консистенции. На третий день устанавливали сборно-разборную форму в виде куба. В форму заливали жидкое мыло при помощи металлического черпака с длинной ручкой. В сарае стояла жара и пар, дышать было тяжело. Мама приходила домой усталая и еще успевала что-то нам приготовить. Когда мыло остывало и превращалось в твердую массу, стенки формы снимались (они были не легкие по весу). По углам делались разметки, при помощи струны с деревянными ручками. С обоих концов срезался слой за слоем.

Вечером приходил сторож, старый казак с охотничьим ружьем, не знаю были ли у него патроны. Его задача была сохранить социалистическое имущество. Жизнь налаживалась. Мать вскопала небольшой участок земли при мыловаренном цехе и посадила картофельные глазки (срез

картошки), тыква к сожалению не проросла. К осени у нас был мешок картошки, который хранился под кроватью. Мама приносила домой кусочки мыла. Недалеко от нас жила семья, рождающие мамы, работала она на мясокомбинате. Иногда Фаня приносила говяжие легкие, иногда даже печеньку. Состоялся товарообмен.

Бывало мама готовила тефтели из очень мелкой рыбки, размером тюльки, которую мальчишки в пиалках продовали. Рыбка легко чистилась, а головки обрабатывались. Топлива не было, но я не дремал. Вечером проходило с пастбища стадокоров и по дорожке оставляли "лепешки." Я брал ведро и собирал навоз. Около сарая хозяин разрешил мне делать кизяки, в которые я добавлял сухую траву и веточки. На солнце лепешки высыхали, в печке хорошо горели и превращались в золу, которую я отдавал хозяину на удобрение почвы.

В Июне мама случайно встретила на улице дальнюю родственницу, с которой общалась в юности. Раиса Абрамовна в Харькове закончила институт, вступила в партию, вышла замуж. В начале войны ее мужа мобилизовали, а она с фабрикой пошивала оказалась в эвакуации, в г. Джамбуле. От мужа Раиса Абрамовна не получала писем пол-года. Жив ли он она не знала, детей у них не было. Работала в две смены нацальником цеха по пошиву пилоток. В цехе стояли столы и на каждом по несколько швейных машинок. В цехе работало приблизительно 100 швей и всегда был сильный шум от работы швейных машинок.

Раису Абрамовну все уважали. При встрече она предложила маме помочь в отоваривании хлебных карточек. При фабрике, которая работала для нужд фронта, был хлебный магазин. Цеха отоваривались по очереди в порядке отведенного для них времени. Тетя зарегистрировала наши три хлебные карточки-одну на служащую и две на иждевенцев, т.е. 1 кг. хлеба в день, при выпечке хлеба в тесто добавляли картошку и еще что-то. Вся фабрика знала о её встрече с мамой. В цехе, на проходной меня все знали и относились с уважением. Как правило, Раиса Абрамовна получала хлеб и оставляла его в торбочке, которую я доставал из ящика её письменного стола. Так я перестал стоять в очереди за хлебом и у меня появилось относительно свободное время.

Шел 1942 год. После переезда на новое место жительства, Сеня пошел в ясли а я в Сентябре месяце в шестой класс. В школе был полу-военный порядок. Когда учитель входил в класс, дежурный громким командирским голосом выкрикивал: "Встать! Смирно." Подходил к учителю и докладывал: "На уроке геометрии приступает столько-то человек... по списку... отсутствовало... человек по известным или не известным причинам." Затем учитель изрекал: "Садитесь" и начинался обычный урок.

Каждый день был урок "Военное Дело" где ребята учились маршировать, шагать строем, владеть винтовкой и т.д. Военрук как правило без опыта преподавал, но прошедший школу на фронте. Дежурный составлял список присутствующих и собирая с каждого по 5 копеек, а на большой перемене получал пончики. Очень вкусные пончики, но маленькие. Учебники были старые, так как переходили от старших классов к младшим. Один учебник на 3-4 ученика. Вместо тетрадей писали на брошюрах, посвященных праздничным государственным мероприятиям. Их издавали огромными тиражами, стоила брошюра 2 коп.

В классе было много эвакуированных. Сеня ходил в санатории, которые находились в 10 мин. Ходьбы от школы. Это было светлое одноэтажное здание с большим двором, где дети могли бегать, трехразовое питание, у каждого ребенка своя кроватка, приветливые, доброжелательные воспитатели и нянечки. Но как говориться: "Не долго музыка играла, не долго фраер веселился." В

конце Сентября Сеня простыл и мне пришлось сидеть дома. До конца года пытались ещё несколько раз отводить в ясли, но больше недели он не выдерживал. К тому же у него был плохой аппетит, а бегать он любил.

Пришлось мне оставить школу до весны. Я продолжал навещать ясли с баночкой и кастрюлькой, так как все, что положено детям давали домой. Дома игрушек не было, но Сеня забавлял себя коробочками, палочками, и т.п. Была у него одна большая палочка, которую он забрасывал в небольшой и не глубокий арык-ручей, в котором текла вода для полива и ограждения земельного участка. Однажды, он поскользнулся и упал в арык, но я успел подбежать и вытащить его. С приходом весны 1943 года осуществилась наша мечта, Сеня пошел в детясли а я в школу. Дома у меня было несколько учебников: тригонометрия, алгебра, иногда по русскому языку. Математические задачи по учебнику я решал все подряд, проверяя ответы в конце книги. В школе было весело, на площадке играли в футбол и я скоро вписался в команду, бегал быстро да и мячом владел неплохо.

Недалеко от школу находился городской стадион "Спартак." Мне было интересно, но принимали только в одну секцию "бокса." Я пришел на занятие, сделали разминку, тренер дал всем боксерские перчатки и разделил по парам. Очевидно нужно было отрабатывать элементу боя-крюк, априкот и т.д. Мой напарник старше меня на год стал прыгать с одной стороны в другую а потом ударил меня по лицу. Я пытался ударить его тоже, но он уклонился. Через какое-то время он опять ударил меня в лицо, а через несколько минут опять. Я разозлился и просто без всякой техники откотолил его. Пришел тренер, увидел картину, забрал у меня перчатки и сказал что-бы больше я в секции не появлялся.

В начале Апреля 1943 года в школу пришла разнарядка - выделить определенное количество учеников для направления в школу ФЗО (Фабрично-заводского обучения). Я был подходящий кадр для зачисления, так как много отсутствовал и имел слабую подготовку. Вечером мама пришла с работы усталая, но я ей рассказал. На следующий день утром она не пошла на работу, отвела Сеню в ясли, а потом в школу прямо к директору. Я не знаю о чем она говорила но за пол-часа добилась чтобы меня вычёркнули из списка и я продолжал учебу в школе.

20 Мая начались экзамены. По математическим предметам у меня проблем не было, но по географии, языку и другим предметам были большие недоработки. Помню, когда я получил экзаменационный билет по географии, прочел в слух, потом сел за парту, потом ходил вдоль стен, где были развешаны карты. Нужно было показать какие-то острова. Я подошел к карте, поставил указку а товарищ мне знаком пальца тихонько показывал: выше, ниже, влево, вправо и давал знак-попал. Я прочел название острова. Экзамены я сдал и был переведен в 7ой класс.

В городе было тревожно. Периодически ночью появлялись бандиты, которые делали проёмы в глинобитных стенах домов, били и даже убивали людей, а после разбоя уходили в горы, которые было видно в ясные солнечные дни. Так продолжалось длительное время. местная милиция была беспомощна. Городские власти обратились в столицу республики, Алма-Ату и через некоторое время на машинах прибыли войска МВД, которые устроили засады и за тем в горах окружили банды. Часть бандитов была уничтожена а остальная группа сдалась в плен. В основном это были дезертиры и другие любители награбить.

Летом был судебный процесс в городском кинотеатре. Суд продолжался несколько недель. На слушание приглашались люди с предприятий, так что просто любителей послушать и посмотреть не было. Приговор был суровый-растрел.

Летние каникулы проводил дома, редко удавалось достать книги в городской библиотеке. На земельном участке, где стоял дом, при строительстве выкопали большую яму глубиной в метра 2 и длиной-15 метров. Грунт использовался для возведения стен. Периодически, хозяин отводил воды из арыка и заполнял яму водой. За несколько дней вода просачивалась в грунт и на дне оставалась мелкая живая рыбешка.

В течение нескольких дней, пока вода находилась в яме-резервуаре, можно было купаться. Я научился держаться на воде и плавать по-собачьи. Был и меня товарищ, на год моложе, который жил недалеко. Иногда я заходил к нему поиграть в шашки. Хозяин его дома был казах, а его дети с местными ребятами компанией сидели у моста большого арыка, истоки которого находились в горах. Он проходил через мост и его не задевали, но когда появлялся я, все дружно кричали: "Абраша! Абраша!" А иногда бросали камни. Когда у арыка сидело 2-3 человека, они делали вид, что не видят меня.

В один солнечный день идем с товарищем из школы, а по дороге в метрах 100 от нас идет пузатый казах, вынимает платок из кармана халата, что-бы вытереть пот, а у него из кармана что-то высыпалось. Он шел с базара. Доходит до пересекающей улицы и сворачивает. Мы подходим и видим разбросаны 1, 3, 5 и 10-рублевые купюры. Оглянулись. Никого близко не было. Быстро подобрали деньги, затолкали по карманам и запазуху. Дома я посчитал 874 рубля. Вечером отдал маме.

Родная сестра мамы, Аня и бабушка жили в это время в городе Ташкент. В Июле месяце Аня прислала мне вызов-приглашение на месяц. В карточном бюро я сдал свою иждевенческую карточку и получил 500 граммовые талоны, по которым можно было отовариваться в любой точке Советского Союза. С железнодорожным билетом до Ташкента проблемы не было. Уехал в общем вагоне проходящего поезда с пересадкой на станции Аррысь. На почте я дал телеграмму, что приезжаю таким поездом. На вокзале меня встретила бабушка и мы пошли на остановку трамвая. У меня на рубашке был маленький значок С, "Спартак." Подбегает к нам мальчик старше меня на пару лет и предлагает купить значок за сто рублей. Я отказался, он предложил 200 рублей.

Я отказался. Бабушка заволновалась. По её мнению значок стоил копейки, но я был непоколебим. Месяц жил как в раю. В переулке оказалось много друзей с которыми играл в футбол, а вечером ходили в летний кинотеатр. Город понравился. На трамвае с ребятами ездили только на решетках или колбасе (приспособлени для прицепа второго трамвая). на свежем воздухе с ветерком.

В один прекрасный день Я проходил мимо райвоенкомата и мной завладела страсть романтика. Патриотизм захватил меня. Я зашел. В первой комнате сидел дежурный офицер в звании капитан. На левой стороне груди орденские ленточки. а с правой три ленточки-две желтые (тяжелые ранения), и одна красная (легкие). Он кивнул головой, чтобы я сел и спросил в чем дело. Я ему ответил, что хочу на фронт. Он замер, глаза его стали разширяться, а лицо стало багровым. Не знаю, что он вспомнил. В один момент он вскочил и я не понял, хотел ли он схватить меня за

шиворот или ударить. Но я оказался ловче, в один момент я был в дверях. Больше попыток попасть на фронт у меня не было.

Время пролетело быстро и я опять в Джамбуле. Когда я был в Ташкенте, мама брала Сеню с собой на работу и он проводил время на свежем воздухе. Письма от отца приходили очень редко. Очевидно, много писем по разным причинам проподали. Очень страшно было увидеть в переулке идущего с большой сумкой старого еврея-почтальёна. Много похоронок приходило. Иногда в каком-то дворе раздавался крик с плачем. Все понимали, что в ~~дом~~ пришла плохая весточка.

Пришла осень 1943 года. В Сентябре я пошел в школу а Сеня в детсадик. В Октябре он простыл и я перестал ходить в школу. В Ноябре месяце нас приехала проводить мамина младшая сестра, тетя Аня. Она была у нас несколько дней, расстроилась и обещала забрать нас в Ташкент. В Ноябре по радио сообщили, что освобожден от немецко-фашистских захватчиков г. Киев. В честь такого события я устроил феерверк-поджег пачку спичек.

На участке дома бегала полуголодная небольшая черная собачка. Однажды на улице она пристала к хозяину дома и оказалась во дворе. С ним все играли. Через пару месяцев Жучки не стало, хозяин ее продал.

В один прекрасный день у брата поднялась температура и мама посоветовала дать ему теплое молоко. Мама дала мне пол-литровую банку, 10 рублей и сказала, где можно купить. Я подошел к дому, окруженному высоким забором. Позвонил. Вышел пожилой хозяин и сразу понял, что мне нужно. "Заходи во двор," сказал он, взял банку и пошел налить молоко. Собака была на цепи, она залаяла и стала рваться ко мне. Хозяин сказал чтобы я подошел ближе. Мне не лично сказали, что я боюсь собаки и я подошел. Собака начала прыгать и лизать меня. Это была Жучка, которая за время подросла и узнала меня. Я был тронут до глубины души.

Наши соседи по дому переехали и мы заняли их светлую комнату. на новый 1944 год мама получила паек и 0.5л водки. Сеня спал а мы с мамой налили по 30 грамм водки и встретили новый 1944 год. Потом мама долила бутылку водой до 0.5 литра и вскоре продала на рынке. В конце Января мы получили вызов и разрешение на переезд в город Ташкент. Сборы были не долгие и в начале Марта, собрав вещи и все наше имущество, мы осуществили заветный перезд в Ташкент.

Я пришел в школу получить документ, что я учился в седьмом классе. Молодая секретарша взяла классный журнал и увидела, что я не аттестован ни по первой, ни по второй четверти. Я ее попросил: "Постав мне оценки за первую четверть, которые у меня были по отдельным предметам." Она подумала, заполнила первую четверть и дала мне табель. Оценки за полугодие я поставил сам уже в Ташкенте.

Наша жизнь изменилась в лучшую сторону. От пребывания в Узбекистане остались теплые и приятные воспоминания.

АПРЕЛЬ 2019